

Русское правосознание как проблема проективного россиеведения

Проблема теоретической оценки особенностей русского правового сознания, его места и роли в отечественной системе взаимодействия власти и общества – в прошлом, настоящем и будущем России и глобального мира в целом – занимает исключительное место в современном социальном знании. От решения этой проблемы зависит не только тактический отбор конкретных кратко- и среднесрочных рецептов модернизации тех или иных политико-правовых институтов – она является смыслообразующей в контексте стратегического (неопределенно-долгосрочного) выбора одной из исторических альтернатив дальнейшего развития России, мерой ее понимания и критерием цивилизационной идентичности¹. В таком контексте поставленная проблема выступает одной из осевых методологических тем современного проективного россиеведения – и вне ее осмысления вообще невозможно понять историческую логику «Русского пути», который многие «россиеведы» сводят к метаниям из крайности в крайность² (между *Империей* и *Смутой* – в качестве исчерпывающего набора инвариантов «злосчастной» отечественной истории³).

Однако в современной социогуманитарной (философской, социологической, политологической, культурологической, исторической) и даже в сугубо юридической литературе (не говоря уже о публицистике), сохраняет популярность миф о существовании некоего абстрактно-образцового – «нор-

¹ См., напр.: Марченя П.П. Массовое сознание и мировоззренческие императивы самобытного пути России // *Философия хозяйства*. 2004. № 3. С. 180–187.

² См.: Марченя П.П., Разин С.Ю. «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к ..? // *Россия и современный мир*. 2010. № 4. С. 48–65 // http://cdn.scipeople.com/materials/3454/Смутоведение_PCM_2010_4.pdf.

³ См.: Марченя П.П., Разин С.Ю. Империя и Смута – инварианты российской истории // *Федерализм*. 2010. № 3. С. 121–134 // http://cdn.scipeople.com/materials/3454/Федерализм_Империя.pdf.

мального» – правосознания, которое соответствует западным правовым идеалам, выдаваемым за «*общечеловеческие*» ценности и «норму» для всех, в том числе и незападных, народов¹. Этот европоцентристский по происхождению миф основан на пренебрежительном отношении к самобытности отличных от Запада цивилизаций и своеобразию их культурных (в том числе правовых) ценностей, которые в случае нетождественности принятой на Западе «норме» объявляются «ненормальными», «деформированными» и нуждающимися в «перевоспитании».

Данная мифологема продолжает иметь огромное значение не только в практике политической борьбы, но и в методологии многих социальных наук. Даже если оставить в стороне метафизическую сущность вопроса о «норме» в «сознании», юридическую фиктивность объективного наличия или отсутствия «нормального» и «ненормального» правосознаний в исторически конкретной социально-правовой реальности и орудийно-прикладной аспект анализируемой идеологической конструкции как средства «холодной» войны, то нетрудно заметить, что эпигонами этого мифа российское массовое правосознание фактически объявляется вторичным, пассивным, побочным по отношению к позитивному праву и позитивной политике Российского государства (...Киевской Руси, Московского царства, Петербургской империи, РСФСР, СССР, РФ...). Основываясь (сознательно либо неосознанно) на этом мифе, многие авторы (как западные, так и отечественные) традиционно характеризуют исторически сложившееся и культурно обусловленное отечественное массовое правосознание как «*недосформировавшееся*» и «*правонигилистичное*». Более того, правовое сознание широких народных масс России нередко расценивается как противоречащее прогрессивному ходу истории и в результате оказывается на периферии социально-правовой практики и ее теоретического изучения практически всеми общественными науками.

¹ См., напр., об этом: *Марченя П.* Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. 2006. № 2. С. 20–22; *Его же.* Массовое правосознание как критерий идентичности: «Две России» и миф о русском нигилизме // Групповая идентичность в истории и культуре: этнос, религия, социальный организм. М.: Нац. ин-т бизнеса, 2011. С. 110–115.

Между тем в стратегическом русле целого ряда актуальных гуманитарных подходов сама история государства и права представляется внешним поверхностным проявлением внутренних скрытых процессов, подспудно вызревающих в толще сознания и подсознания народных масс, детерминированных определенными ментальными основаниями. И проблема осмысления массового правового сознания в качестве фундамента всего политико-правового комплекса, субстанции самого бытия права и его истории становится одним из ключевых направлений современной общественной мысли¹. И в таком русле более обоснованной выглядит исследовательская позиция, согласно которой массовое правосознание в России вовсе не является периферийным феноменом по отношению к истории отечественного государства и его позитивного права. Напротив, оно выступает одним из системообразующих факторов российской цивилизации, имеющим уникальную социокультурную специфику. Игнорирование последней обрекает на провал любые попытки проведения достаточно масштабных и глубинных преобразований в российском обществе².

Любое правосознание всегда исторически конкретно, ибо «нет единых и одних тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен, как нет капитализма или другой хозяйственной или общественной организации, одинаковой во всех странах. Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску»³.

Общественное правосознание, аккумулирующее соответствующие архетипические народные черты, может быть осмыслено как ключевой механизм самозащиты и самовоспроизводства общества и цивилизации. Функ-

¹ См.: *Марченя П.П.* Общественное правосознание в отечественной истории // Вестник Московского университета МВД России. 2006. № 1. С. 158–160.

² См., напр.: *Марченя П.П.* Массовое правосознание и победа большевизма в России. М., 2005; *Его же.* Империя, партии и массы в системе взаимодействия власти и общества в России // История СССР/РФ в контексте современного россиеведения. М.: Проспект, 2011. С. 211–233.

³ *Кистяковский Б.А.* В защиту права (Интеллигенция и правосознание) / Вехи // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 111.

ционально оно представляет собой форму общественного сознания в целом, наиболее активную в ситуации социального противодействия, в случае реальной или мнимой угрозы жизненно важным ценностям. В известном смысле, массовое правосознание – это «последний рубеж обороны» нации, на котором осуществляется охрана и воспроизводство ее базисного жизненного (религиозного, нравственного, политического, экономического и т.д.) качества. Этот основополагающий минимум цивилизации реально защищен массовым правовым чувством (и соответствующим потенциальным массовым протестом, вплоть до «беспощадного» (но отнюдь не «бессмысленного») бунта¹.

Наиболее активную роль в этом контексте играет правосознание, которое, в отличие от «конструктивно» ориентированного сознания религиозного, нравственного, политического... – ориентировано принципиально «негативно», функционально предустановлено именно на активное ситуативное противодействие неправому. В рамках сложной и противоречивой структуры массового сознания именно «правовое» служит рациональным «спусковым механизмом» иррационального включения масс в политический процесс: оно переводит «социально-психологическое» в «идеологическое», трансформирует «социокультурное» в «политическое».

Вопрос о выделении в структуре интегративного массового сознания именно сознания обособленно «правового» – отличного от «религиозного», «политического» и «нравственного» – исключительно сложен теоретически. В литературе отмечается, в частности, что «сама религия, как осуществление «царства Божия», невозможна вне права и его признания, т.е. вне правосознания»², что само государство есть «множество людей, связанных общностью духовной судьбы и сжившихся в единство на почве духовной культуры

¹ См.: *Марченя П.П.* Крестьянин и Империя: есть ли смысл у «русского бунта»? // История в подробностях. 2010. № 6. С. 88–96
[// http://cdn.scipeople.com/materials/3454/Крестьянин%20и%20империя.pdf](http://cdn.scipeople.com/materials/3454/Крестьянин%20и%20империя.pdf)

² *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 214.

и правосознания»¹, и что «правосознание всегда политически значимо и нравственно ориентировано»².

Преимущественно с необоснованным противопоставлением права и нравственности, правового и нравственного сознания и связано формирование представлений о «*правовом нигилизме*» как центральной идее правосознания русского народа. Это противопоставление ведет к логически ложным выводам: признание приоритетности этики по отношению к позитивному праву рассматривается как отрицание идеи права в целом. Но, как давно замечено (в том числе и в рамках русской философской мысли), *право есть минимум этики*. И обвинять этическое по преимуществу сознание русского общества в отрицании этического минимума – по меньшей мере, бессмысленно.

Этическое сознание (взятое в узком смысле, вне сознания правового) ориентировано на конструктивные ценности и конструктивные методы. Оно проявляется прежде всего при ответе на вопрос: «*Что (в идеале) должно быть?*» А правовое сознание проявляется прежде всего в негативном – реальном (а не идеальном) – противодействии антиидеальным актам социальной жизни, при ответе на вопрос: «*Чего (в реальности) быть не должно?*» Как образно сформулировал в свое время одну из важнейших тем русского правосознания В.С. Соловьев, «задача права – вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад»³.

И в этом смысле можно признать справедливыми суждения тех современных ученых, которые подчеркивают, что «ситуация массового нормативного нигилизма не отвергает, а как раз предполагает весьма высокое морально-правовое сознание общества, включающего свои, традиционные способы

¹ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 257.

² Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000. С. 7.

³ Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 454.

поддержания социальной стабильности»¹. Правовое сознание нигилистично по отношению не к *праву*, а к *бесправию*, оно негативно ко всему, что осознается или переживается как *неправовое, неправое*.

Массовое правосознание как охранный механизм конкретного общества запускается при нарушении «меры допустимого» – как массовый негативизм, как «социальный взрыв» по достижении «критической массы» *неправомерного* внешнего воздействия. И более того, в кризисных моментах истории, в ситуациях исторического выбора, именно массовое правосознание становится одним из доминантных факторов политического процесса, во многом определяющим победы и поражения конкурирующих политико-правовых альтернатив².

Необходимая сегодня не только для дальнейшего развития нашего современного государства и права, но и для исторического выживания России, ее культуры и цивилизации, Государственная и Национальная Идея, способная выступить в качестве мобилизующего и консолидирующего начала отечественной жизни, не мыслима в противоречии с общественным правовым сознанием. Попытки тех или иных «элит» искусственно трансплантировать принципиально чуждые ему политико-правовые реалии и механически превращать в жизнь идеи, органически с ним не совместимые, вступающие в конфликт со сложившейся правовой идеологией и правовой психологией народных масс, не только теоретически ошибочны, но и практически опасны.

При анализе конкретного массового сознания, с его реальными социокультурными особенностями и проблемами³, не следует забывать, что «фе-

¹ См.: Даниелян К.Р. Традиция и правосознание (Историко-политологический аспект проблемы). М., 1999. С. 92.

² См., напр.: Марченя П.П. Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. // История государства и права. 2010. № 19. С. 20–22; *Его же*. Политические партии и массы в России 1917 года: массовое сознание как фактор революции // Россия и современный мир. 2008. № 4. С. 82–99 // http://cdn.scipeople.com/materials/3454/PCM_Партии_и_массы.pdf.

³ См. также: Марченя П.П. Современные подходы к изучению масс и массового сознания в истории: тенденции и результаты / П.П. Марченя // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). – 2010. – № 3. – С. 86–90 // <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2010/03/22.pdf>.

номен права нуждается в изучении не только в качестве абстрактной логической системы, удовлетворяющей неким всеобщим критериям добра, справедливости, гуманизма, но и в аспекте конкретных культур, в которых право приобретает полноту своих жизненных характеристик»¹. Современные теоретики права и правосознания справедливо подчеркивают, что «первенство тех или иных идей в смысловом каркасе правосознания зависит от факторов историко-культурного порядка» и необходимо «обратиться не к дистиллированному правосознанию юридической теории, а к живому правосознанию, актуализированному во всех аспектах «соприкосновения» с реальностью»².

В тоже время вызывают недоумение некоторые современные работы, где, с одной стороны, совершенно справедливо указывается, что «...поскольку у каждого этноса свой, сугубо неповторимый этнический правовой менталитет, то содержание юридической культуры данного народа будет иметь уникальные особенности», а с другой, в то же самое время, утверждается буквально следующее: «Что же касается российского правосознания, то как в прошлом, так и в настоящем оно не было и не есть в качестве духовно-культурного»³.

Как давно замечено в русской философии, «...то зло, которое мы усмотрели в популярности крайнего революционного социализма, в духовной дряблости и недалёковидности русского либерализма, в отсутствии духовно живого и нравственно просвещенного консерватизма, должно быть сведено теперь к своему первоисточнику. Судьба народа определяется силами или факторами двух порядков: силой коллективного склада жизни и общественных отношений, общих исторических условий и изменений народного быта, и силой верований, нравственных идей и оценок, коренящихся в народном сознании. В разрезе определенного момента исторической жизни силы этих обоих порядков находятся в теснейшем взаимодействии и взаимообщении и

¹ См.: Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 45.

² См.: Малахов В.П. Философия права. М., 2002. С. 139, 124.

³ См.: Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России: введение в общую теорию. Саратов, 2001. С. 42, 39.

ни одна из них не может быть взята отрешенно от другой. Но в какой-то глубине народной души или народного характера обе эти силы имеют единый корень в некоем первичном жизненчувстве и общем духовно-нравственном лике народа...»¹.

Познание этого «первоисточника» неразрывно связано с изучением массового правосознания, которое как раз и заявляет о себе при посягательстве на пресловутое «первичное жизненчувство» и «общий духовно-нравственный лик народа»...

Исследование массового правосознания в России имеет свои особенности и трудности. Еще дореволюционный сатирик Б.Н. Алмазов иронично подметил: *По причинам органическим / Мы совсем не снабжены / Ясным смыслом юридическим / Сим исчадьем сатаны. / Широки натуры русские: / Нашей правды идеал / Не влезает в формы узкие / Юридических начал...*². В этих шуточных стихах есть изрядная доля истины. Но задумаемся: можно ли на этом основании выделять в качестве главной характеристики русского правосознания «правовой нигилизм»? Другими словами, имеются ли основания называть русский народ неспособным к осознанию ценности права и, соответственно, имманентно невосприимчивым к правовым идеям и равнодушным к исторической судьбе собственного государства?

В этой связи уместно воспроизвести риторический вопрос митрополита Иоанна (Снычева): «...И в самом деле: как же русский народ, столь склонный (если верить нашим горе-историкам) к анархии и произволу, столь ленивый, столь равнодушный к личной свободе, к правовым нормам общежития, сумел построить величайшую в мире Державу, не только первую по величине занимаемой территории и составу вошедших в нее племен, но и самую устойчивую исторически, вот уже пять столетий подряд являющуюся «гармонизатором» огромного европейского геополитического региона? Как этот неве-

¹ См.: Франк С.Л. De profundis // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 304.

² Цит. по: Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 112.

жественный народ сумел создать богатейшую культуру, плодами которой – в области литературы и философии, живописи, поэзии и архитектуры – до сих пор питается одряхлевший и изверившийся Запад?..»¹.

Очевидно, что называть правосознание русского народа (как и любого другого целого народа, имеющего свои собственные государство и право, цивилизацию и культуру) правонигилистичным, «ненормальным» и т.п. – не допустимо. Подобные формулировки – как минимум – нелогичны и некорректны. Причем и с точки зрения правового позитивизма, и с точки зрения юснатурализма как крупнейших правоведческих парадигм.

Тезисно рассмотрим оба варианта.

Так, если мы выбираем **первый вариант** – *юридический позитивизм* – и последовательно используем позитивистскую интерпретацию поставленной проблемы, то мы должны будем считать правом любые позитивно существующие, принятые государственной властью юридические нормы. То есть конкретные правовые нормы – это и есть *право* – независимо от их справедливости и отрицательных последствий практического применения. В жестких рамках юрико-позитивистского мышления не ставится вопрос о «нормальности» самих норм. И, значит, мы берем на себя обязательство анализировать право как фактическую данность, безоценочно, не называя его «правильным» или «неправильным», «нормальным» или «ненормальным».

Но тогда и правосознанием необходимо признать любую позитивно существующую систему представлений, взглядов, идей, убеждений, чувств, эмоций, настроений, психологических переживаний (в том числе и отрицательных), складывающихся по поводу права. То есть конкретные правовые идеи и чувства – это и есть правосознание – независимо от их справедливости и отрицательных последствий практического применения. И, значит, мы должны анализировать правосознание так же, как и право – как фактическую

¹ *Иоанн (Снычев)*. Русская симфония. Очерки русской историософии. СПб., 2001. С. 394-395.

данность, безоценочно, не называя его «правильным» или «неправильным», «нормальным» или «ненормальным».

Итак, если мы относимся к праву как к положительной реальности и воздерживаемся от спекулятивных разговоров о соответствии данной реальности нашим ожиданиям и представлениям, то логично было бы подобным же образом относиться и к правосознанию. Другими словами, *если нет «ненормальных» правовых норм, то нет и «ненормального» правового сознания.*

В случае если мы выбираем **второй вариант** – юснатурализм – и последовательно размышляем над поставленной проблемой с позиций естественно-правовых, то *Правом* мы должны будем называть истинное начало, соответствующее подлинной сущности человека и общества, правдивое существо закона, стоящее над ним и несущее его естественную идею. То есть Право есть идеальный, надзаконный, сверхценный порядок.

Но тогда и *Правосознание* есть идейное и чувственное признание (осмысление и переживание) этой сверхценности Права, устремление к воплощению настоящей, не искаженной людьми *Правды* и как *Истины*, и как *Справедливости*. И значит, нигилизм по отношению к *неправдивости* (*несправедливости, неправоте – неправомерности*) норм позитивного права, не соответствующих идеалам Права, искажающих идею Права, ни в коем случае нельзя называть «правовым нигилизмом». *Отрицание ненормального права не служит показателем ненормальности правосознания. Скорее наоборот, это свидетельствует о его нормальности.*

Авторам, которые признают естественно-правовой статус Права и в то же время ссылаются на историческую подоплеку «правового нигилизма» в России, резонно было бы попытаться ответить на вопрос: когда это в России реально существовало позитивное право, действительно приближенное к Праву, а народ относился к нему нигилистически? Или, может быть, нигилистически наш народ относился (и относится) к бесправию, а не к Праву? Русское правосознание издревле, в лучших традициях (само о том не подозре-

вая) естественно-правового понимания «Закона» и «Благодати», различало Право, которое есть «от Бога», и право, которое есть «могила Правды».

Вопрос, который обычно предпочитают не замечать при оценке массового сознания россиян: как могут одновременно сочетаться в качестве архетипических черт русского народа и, шире, культуры России, такие постоянные характеристики как «этикоцентризм» и «правонигилизм», «правдоискательство» и «правоотрицание»?

Все великие вопросы русской культуры так или иначе упираются в проблемы этики и признание ее приоритетности. Не удовлетворяясь «позитивным» даже если оно опирается на силу, русские ищут *Правды*. Ибо в ней мыслят Бога, а не в силе. Но, как уже давно замечено, само слово «правда», как и немалое множество других русских слов, имеющих корень «прав», родственно слову «право». И слово «справедливость» этимологически можно рассматривать как «права ведание», «знание правды» или «праведное знание». *А что такое естественное Право, как не практическое выражение Правды и торжество Справедливости в сфере права?* В таком контексте утверждения «научной» литературы о русском «правовом нигилизме» равносильны признанию «научной обоснованности» теории, что «*русские против правды и справедливости*».

Если под правовым нигилизмом понимать отрицание права вообще и всех правовых ценностей совокупно, то, очевидно, такое качество вряд ли можно признать присущим отечественной общественной мысли и нации в целом. Но если этот термин использовать для обозначения признания непреложности онтологического факта существования норм, приоритетных по отношению к нормам позитивного права, то вместе с русскими в нигилисты нужно записать и Христа со всеми Его апостолами, учившими, что Любовь выше любых человеческих предписаний, и вообще всех, кто согласится, что есть ценности более высокого порядка, чем принятые Государственной Думой законы.

Общеизвестно, что отрицание низшего во имя высшего есть необходимый элемент любого развития. Тем не менее, некоторыми теоретиками, вопреки законам диалектики, отрицательное отношение к позитивным нормам во имя норм более высокого качества расценивается не как показатель способности восходящего развития на следующий – более высокий – уровень правосознания, а, наоборот, как свидетельство его недостаточной развитости. *Но именно в проявлениях негативности к тем или иным актам социально-правового бытия – в осмыслении и переживании их как несправедливых, несправедливых, неправомерных – и выражает себя правовое сознание.*

Удивительно, что при всех крайностях литературных оценок русского народа (то как «Спасителя человечества», то как «балласта глобальной истории»), приписывание (сознательное или по недоразумению) нашему народу в качестве чуть ли не одной из самых его характерных и устойчивых характеристик так называемого «правового нигилизма» – это то «общее место», на котором зачастую сходятся в странном согласии многие разные во всех остальных отношениях авторы (западные и отечественные, левые и правые, русофобы и русофилы...) ¹.

Но является ли для всего русского народа и русской культуры характерным отрицание естественного Права как Правды и Справедливости? Парадокс: когда оценивают русскую культуру, то суждения составляют по вершинам культуры, по величинам, составляющим славу России, но когда дают характеристику общественному сознанию, то судят по представителям социального дна. Когда речь заходит о русской поэзии, то вспоминают Пушкина, а не рифмованную воровскую романтику черни из лагерной зоны или уличной подворотни. А когда говорят об отношении русских к праву, то по кому судят о целом народе?

Если оценивать общественное правосознание в России не по «блатным понятиям», а по достижениям правовой мысли российского общества, то нет

¹ См.: Марченя П.П. Держава и право в русском сознании / П.П. Марченя // Философия хозяйства. 2006. № 1. С. 138–144.

причин не соглашаться с мнением тех специалистов, которые полагают, что «широта научных воззрений, оригинальность в трактовке проблем теории права в дореволюционной научной литературе России и сегодняшнее состояние отечественной научной мысли не дают оснований говорить об ущербности российского правосознания», и, напротив, дают достаточные основания возражать против «одного из культивируемых в отечественной литературе «мифов» о несформированности российского правосознания и якобы наиболее яркой характерной его черте, выражающейся в господстве идеи правового нигилизма»¹.

И еще один парадокс, без которого не обойтись при оценке научной обоснованности многочисленных утверждений о нигилизме как исторической константе правосознания россиян. Как диктуют нам азы теории и истории государства и права, с первых шагов любой цивилизации право и государство развиваются в тесной взаимозависимости и взаимообусловленности. И из тех же источников следует, что в такой же необходимой и закономерной взаимосвязи находятся политическое и правовое сознание с политико-правовой реальностью. Тогда как, каким образом, народ, который создал самое или, как минимум, одно из самых больших и жизнеспособных *Государств* в истории человечества и распространил свои политические и правовые реалии на колоссальные территории, может именоваться правонигилистичным? Как можно упрекать в отрицании Права народ, который на протяжении своей истории неоднократно отстаивал свое *право* иметь великое государство, демонстрировал способность к мобилизации всех сил, готовность к подвигу и самопожертвованию во имя государства и *правого права*², проявлял (в том числе) чудеса смирения и покорности перед *правлящей* властью (если в его глазах она *правила по праву*)?

¹ См.: *Вопленко Н.Н.* Указ. соч. С. 16–17, 15.

² Выражение «*правое право*» (которое должно служить ориентиром для здорового правосознания) активно использовал, в частности, такой классик теории правосознания, как И.А. Ильин. – См., напр.: *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 21.

Очевидно, что в таком контексте признание массового правосознания в России правнигилистичным не имеет достаточных оснований – ни семантических, ни исторических, ни юридических, ни философских... И даже более того – оно противоречит и формальной логике, и здравому смыслу.

«Правовая и политическая жизнь должна быть верна своим глубоким, последним корням; а эти корни имеют духовную природу»¹. Корни эти в России и на Западе различны, но о «нормальности» или «ненормальности» правового сознания следует судить не по лекалу другой цивилизации. Общественное правосознание в России отличается от западного, и этот социально-исторический факт не подвергается сомнению. Но, пожалуй, больше оснований согласиться не с расхожим мнением об «отсталости» российского правосознания, а с выводами тех ученых, которые полагают, что «несмотря на свой абстрактный характер, общественное правосознание всегда «заземлено» и генетически привязано к национально-историческим особенностям культуры, религии и социальной структуры конкретного государства и общества. И это позволяет нам говорить о российском правосознании, американском, немецком и т.д. И следовательно, каждый государственно-организованный народ имеет свое социально неповторимое общественное правосознание»². А «вопрос о том, что лучше: формально-юридическое, нормативистское и индивидуалистическое право – плоть от плоти западноевропейского культурно-исторического типа – или наше, как называл его Н.Н. Алексеев, «субъективное право», основанное на судейском (чисто соборном) усмотрении, на совести и на Боге, — это вопрос скорее не теоретический, а аксиологический, — вопрос цивилизационной идентичности»³.

¹ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 133.

² См.: Волленко Н.Н. Указ. соч. С. 15.

³ См.: Даниелян К.Р. Указ. соч. С. 91–92.